

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

П А М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Б. И. Кузнецов

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПАМИРА С ТИБЕТОМ

Древние пути Памира связывали с давних пор Среднюю Азию и Шаншун, обширную область Северного и Северо-Западного Тибета. Согласно тибетской традиции именно этими путями шло в Тибет иранское культурное влияние в первое тысячелетие нашей эры. Этому вопросу и посвящена тема нашего краткого сообщения.

Во всех тибетских источниках по религии бон утверждается, что один из главных проповедников этой религии Шенраб (тиб. Gshen-rab, т. е. «Совершеннейший жрец») родился в Пасаргадах в стране Элам-Иран (Stag-gzigs 'Ol-mo).

Строго говоря, эта религия не имела какого-то своего названия. Термин «бон» является тибетским и значит «молитва, ритуал», приблизительно соответствуя по значению иранскому «бразман»*. О времени проникновения этой иранской религии в Тибет ничего определенного сказать нельзя, но можно допустить, что она начала там распространяться на рубеже нашей эры. С VII в. н. э. бонская религия сталкивается в Тибете с буддизмом, и между ними постепенно возникает борьба, которая, то затухая, то вспыхивая вновь, так и не привела к окончательной победе ни одной из сторон. В ходе этой борьбы обе религии сильно трансформировались, оказав друг на друга значительное влияние.

Попытаемся дать самую общую характеристику бонской религии в ее первоначальном виде и ее главному учителю — Шенрабу. Существует биография этого учителя [3], которая дошла до нас в редакции IX в. н. э. Первоначально, как утверждают тибетские издатели этого сочинения, оно было составлено в Иране и было записано финикийскими (т. е. арамейскими) буквами. Потом биография была переведена на шаншунский язык, а затем уже и на тибетский [3, 1127—1138, 1167]. Из этой биографии явствует, что Шенраб был современником создания Ахеменидской державы Киром II (VI в. до н. э.). В биографии Шенраба рассказывается о разгроме Ираном — Эламом Мидии [3, 91—150], после чего следует описание Вавилона и говорится о появлении в нем самого учителя [3, 714—796].

Из того, что говорится об учении и деятельности Шенраба в тибетских источниках, а также на основании современных европейских исследований древней иранской культуры, можно сделать вывод, что до VI в. н. э., т. е. до присоединения Мидии к Персиде, на территории Ирана существовали две самостоятельные религиозные традиции: ми-

* «Бон» происходит от индо-иранского «пунья» — чистота

дийская и персидская. Заслуга Шенраба состояла не только в том, что он пытался соединить эти две близкие религиозные традиции в одну систему, но и в его принципиальной концепции: все народы на земле верят в одних и тех же богов, хотя и называют их по-разному.

Религию Шенраба можно назвать традиционным маздаизмом, так как, во-первых, она была связана тесными узами с древними арийскими культами, а во-вторых, поскольку над многочисленным пантеоном божеств возвышался центральный культ Мазды или Ахура Мазды (небесный Господь Премудрый). Следующие по значению боги после Ахура Мазды — это Митра и Астарта (Анахита). Имена Ахуры и Астарты даются в тибетских источниках всегда в транскрипции ('Bum-khri: Sa-trig), что же касается Митры, то иногда его называют «Белый (т. е. дневной) свет». Кроме того, в древних и средневековых источниках встречается как вариант Митра (Mi-tra), так и Пехар (от перс. Михр). Разумеется, при этом мы учитываем то обстоятельство, что тибетские описания всех этих богов целиком и полностью совпадают с иранскими.

Сущность учения Шенраба весьма проста: дуализм света и тьмы, добра и зла. Каждый человек должен стремиться к свету, добру, истине и бороться против лжи и обмана. Существует загробная жизнь, рай и ад, куда попадают люди по своим заслугам. Важное место в религии отводится ритуалам и обрядам, молитвам и заклинаниям.

Тибетский историк Тараната (XVII в.) сообщает в своей «Истории буддизма», что царь Ксеркс (V в. до н. э.), именуемый в этом сочинении как Шрихарша (иран. Хшайарша), устроил в один день грандиозную и поголовную резню всех жрецов, хранителей традиционных культов [1, 135]. Мы не будем здесь касаться причин, побудивших Ксеркса так поступить. Нам важно отметить, что с этого момента, начинается распространение традиционного маздаизма как на Запад, так и на Восток. В хотанских хрониках есть указания на то, что задолго до появления в этом районе буддизма, т. е. задолго до начала нашей эры, там появлялись какие-то иранские проповедники [5, 93—94].

Иранская культура начинает интенсивно распространяться к югу от Хотана, в стране Шаншун (северные районы Тибета) на рубеже нашей эры, когда часть иранских племен была отрезана гуннами от Семиречья и оттеснена к Шаншуну. С этого времени в стране начинается процесс формирования местной своеобразной цивилизации, с преобладающим влиянием иранской, сохранившейся у северных тибетских племен вплоть до нашего времени [4, 29]. В то же время единственными путями, связывающими Шаншун и Тибет с Ираном, становятся надолго пути через Памир.

В тибетско-шаншунском словаре, представляющем собой позднюю компиляцию разных бонских сочинений, в том числе и очень древних, помещена географическая карта Ирана, на которой обозначен путь учителя Шенраба из Ирана в Шаншун (Тибет) [5, 64]. Судя по этой карте, его путь пролегал юго-восточнее Согдианы, т. е. шел через Памир и далее — южнее «Пустыни страданий», очевидно, пустыни Такла-Макан. Там же на карте нарисованы горы, около которых по-тибетски написано, что там находился пограничный знак, отделявший Иран от Шаншуна. Из этой же надписи следует, что в качестве пограничного знака служило какое-то святилище бога огня в «огненной скале».

В том же самом словаре говорится о постоянных контактах, которые имели место в первое тысячелетие нашей эры между Ираном и Тибетом. В Шаншуне, а также и в Тибете постоянно появлялись иранские мудрецы, которые приносили с собой новые веяния, идеи и книги. В периоды гонений в Тибете на бон, жрецы-книгогочы бежали на запад, в

Иран, ища там спасения, а затем снова возвращались теми же путями на восток, когда идеологические страсти утихали [5, 28, 54—56].

Свидетельство о посещении Шенрабом Шаншуна, конечно, не следует понимать буквально. Это упоминание говорит только о распространении маздаизма в Центральной Азии — и не более того. В буддийских преданиях можно найти аналогичные истории о посещении Буддой Хотана, Тибета и других мест, в которых он заведомо никогда не был. Видимо, таким же образом следует понимать и неоднократно упоминаемого в тибетско-шаншунском словаре «великого учителя», «великого мудреца», «чудотворца Есе (Ye-shes)», т. е. Иисуса, который, как это следует из тибетского источника, появился из Ирана в стране Шаншун [5, 28, 51]. К сожалению, вопрос о проникновении христианства в эти районы остается загадкой. До сих пор об этом возможном проникновении нет никаких данных, хотя изображения Иисуса и сохранились в составе поздней буддийской иконографии [2, 51 (изображение № 153)].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. [Д а р а н а т а], Буддизм, его догматы, история и литература, ч. III, История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Перевод с тибетского В. Васильева, СПб., 1869.
2. Сборник изображений 300 бурханов. Издал С. Ф. Ольденбург, СПб., 1903 (Bibliotheca Buddhica. V).
3. Dus-pa rin-po-che'i rgyud gzer-mig, Delhi, 1965 (на тибетском языке).
4. Roerich G. H., The Animal style among the nomad tribes of northern Tibet. Seminarium Kondakovianum, Prague, 1930.
5. Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan, selected and translated by F. W. Thomas, Pt II, London, 1951.
6. Tibetan-Zang-zung Dictionary, Delhi (без даты).